

Психопатология обыденной ЖИЗНИ

*Забывания, оговорки, нелепые действия,
суеверия и ошибки*

*Перевод выполнен по изданию 1929 г., расширенному и допол-
ненному в сравнении с первоначальным вариантом 1901 г.*

Теперь весь воздух чарами кишит,
И этих чар никто не избежит¹.

И. В. Гете. «Фауст» (часть II, действие 5)

¹ Перевод Н. Холодковского. — *Примеч. ред.*

Глава I

ЗАБЫВАНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

В 1898 г. я поместил в «Ежемесячнике психиатрии и неврологии» небольшую статью «О психическом механизме забывчивости»¹. Содержание этой статьи послужит отправной точкой более подробного обсуждения. На примере, взятом из моей собственной жизни, я подверг психологическому анализу чрезвычайно распространенное явление — временное забывание собственных имен — и пришел к тому выводу, что этот вполне повседневный и в целом лишенный значимых практических последствий вид расстройства психических функций (а именно, способности к припоминанию) допускает объяснение, выходящее далеко за пределы принятых мнений.

Психолог, которого попросят объяснить, почему столь часто мы оказываемся не в состоянии припомнить знакомое имя, довольствуется, скорее всего, замечанием, что имена собственные вообще подвержены выпадению из памяти более всех прочих элементов, составляющих наши воспоминания. Допол-

¹ Zum psychischen Mechanismus der Vergesslichkeit. В общей библиографии работ З. Фрейда эта статья обозначается как [1898b]. — *Примеч. ред.*

нительно психолог выдвинет ряд более или менее правдоподобных предположений в доказательство этого своеобразия собственных имен, однако вряд ли сумеет усмотреть в этих событиях какую-либо иную причинную зависимость.

Для меня поводом для более пристального внимания к забыванию собственных имен стали наблюдения за некоторыми частностями в поведении отдельных индивидуумов (разумеется, подобное встречалось и встречается далеко не во всех индивидуальных случаях без исключения). Под такими случаями я подразумеваю те, когда чье-либо имя не просто выпало из памяти, но и припоминалось неверно. Попытки вспомнить имя, ускользнувшее из памяти, приводят на ум другие — подставные, если угодно — имена; мы немедленно опознаем эти имена как ошибочные, но они упорно возвращаются и проявляют величайшую навязчивость. Сам процесс, который должен вести к воспроизведению искомого имени, тем самым как бы слегка видоизменяется и обуславливает своего рода подмену имен. Мне представляется, что указанное изменение вовсе не является произвольной игрой психики, что оно проистекает из неких правил, которые возможно выявить и которые подчиняются определенным закономерностям. Иными словами, я предполагаю, что подставляемое имя (имена) состоит в известной связи с позабытым именем; если эту связь удастся обнаружить, мы сможем, хочется надеяться, пролить свет на обстоятельства забывания имен.

В упомянутой статье я рассматривал в качестве примера имя того художника, кисти которого принадлежит фреска «Страшный суд» в соборе итальянского

города Орвието¹. Вместо искомого имени — Синьорелли — на ум упорно приходили два других — Боттичелли и Больтраффио, причем я сразу понимал, что эти подставные имена ошибочны и отвергал их, а когда мне назвали правильное имя, я признал его без малейших колебаний. Стремление установить, под какими влияниями и в силу каких ассоциаций воспроизведение имени Синьорелли оборачивалось ложным припоминанием имен Боттичелли и Больтраффио, привело меня к следующим выводам.

а) Причину того, почему имя Синьорелли ускользнуло из памяти, не следует искать ни в особенностях этого имени самого по себе, ни в психологическом характере того стечения обстоятельств, когда все случилось. Само по себе имя это было мне известно не хуже, чем подставное имя Боттичелли, — и несравненно лучше, чем подставное имя Больтраффио², о носителе которого я знал только, что этот художник принадлежал к миланской школе. Сами обстоятельства забывания имени выглядели совершенно безобидными и никак не помогали разобраться: вместе со случайным попутчиком мы ехали из Рагузы (в Далмации) в Герцеговину, беседовали, в частности, о путешествиях по Италии, и я спросил моего спутника, бывал ли он ранее в Орвието и видел ли знаменитые фрески художника (имя выпало из памяти).

б) Понять, почему подлинное имя художника забылось, я сумел, лишь когда припомнил, о чем мы со спутником говорили ранее; тогда-то и стало ясно, что

¹ Эта фреска находится в южной части собора (капелла Мадонны ди Сан-Брицио). — *Примеч. пер.*

² Придворный художник герцога Миланского; считается автором фигуры младенца на картине Л. да Винчи «Мадонна Литта». — *Примеч. пер.*

виной всему вторжение предшествующей темы в продолжение беседы. Непосредственно перед тем, как спросить попутчика, доводилось ли ему бывать в Орвието, я обсуждал с ним нравы и обычаи турок, проживающих в Боснии и Герцеговине. Я рассказывал со слов одного коллеги, лечившего этих людей, что для них привычно глубоко доверять врачам и покорно принимать удары судьбы. Если им говорят, что больной безнадежен, они обычно отвечают: «Господин (Негг), что тут скажешь? Будь возможно его спасти, ты бы спас, мы знаем». В этом рассказе прозвучали имена и названия — Босния, Герцеговина (Herzegowina), Негг, — которые поддаются включению в ассоциативную цепочку между именами Синьорелли¹, Боттичелли и Больтраффио.

в) Полагаю, именно размышления над нравами боснийских турок оказались способными нарушить дальнейший разговор, поскольку я отвлекся от этих размышлений прежде, чем успел додумать все до конца. Помнится, я хотел пересказать моему спутнику еще один случай, связанный в моей памяти с первым. Боснийские турки выше всего на свете ценят плотское наслаждение и потому, случись у них половое расстройство, впадают в отчаяние, которое выглядит поистине странным, если учесть их смиренное ожидание смерти. Один из пациентов моего коллеги сказал однажды: «Знаешь, Негг, если лишиться этого удовольствия, жизнь вообще бессмысленна». Повторю — я хотел было пересказать эту историю, но все-таки воздержался, не желая затрагивать в разговоре с посторонним такую тему. Тем самым получилось, что я отвлек собственное внимание от развития тех мыслей, которые были связаны со смертью и половым

¹ Signor (*ит.*) — господин. — *Примеч. ред.*

возбуждением. Кроме того, я находился тогда под впечатлением от известия, полученного несколькими неделями ранее, когда мне случилось ненадолго остановиться в тирольском местечке Трафои (Trafoi): мой пациент, на лечение которого я потратил много усилий, покончил с собой вследствие неизлечимой половой болезни. Я уверен, что по дороге в Герцеговину ни это печальное известие, ни его предыстория не всплывали в моей сознательной памяти. Однако звуковое сходство (Trafoi — Boltraffio) заставляет предположить, пусть мое внимание было намеренно направлено в другую сторону, что это воспоминание все же пришло ко мне в ходе беседы.

г) После всего сказанного уже невозможно рассматривать исчезновение из моей памяти имени Синьорелли как простую случайность. Я вынужден признать, что здесь проявил себя некий мотив. Это он побудил меня прервать рассказ о нравах турок и отгородиться от связанных с этим рассказом мыслей, как бы вычеркнуть из сознания все то, что касалось известия, полученного в Трафои. То есть я намеревался нечто позабыть — и вытеснил это нечто из памяти. Конечно, я хотел позабыть вовсе не имя художника из Орвието, а что-то другое, но этому другому удалось ассоциативно связаться с его именем, и мой волевой акт в итоге пропал впустую: я забыл кое-что против собственной воли, предполагая на самом деле забыть иное. Нежелание помнить относилось к одному воспоминанию, а неспособность вспомнить проявилась на другом. Разумеется, было бы проще, соотносись нежелание и неспособность с одним и тем же содержанием. Подставные имена, кстати сказать, перестали восприниматься столь произвольными, как изначально: они служили своего рода компромиссом, напоми-

ная мне в равной степени о том, что я хотел вспомнить и что желал позабыть; они давали понять, что мое намерение позабыть нечто не увенчалось ни полным успехом, ни полной неудачей.

д) Поистине поразительна связь, что установилась между искомым именем и вытесненной темой смерти и плотского наслаждения, — связь, в которую включились и названия Босния, Герцеговина и Трафои. Ниже приводится схема, которую я составил в 1898 г. и которую воспроизведу здесь снова.

Имя Signorelli раскладывается как бы на две части. Последние два слога (-elli) воспроизводятся в точности в одном из подставных имен (Botticelli), а первые два подвергаются переводу с итальянского языка на немецкий (signor — Herr), устанавливая целый ряд сочетаний с тем словом, которое фигурировало в вытесненной теме (Herr, Herzegowina), но по этой причине выпадают из сознательного воспроизведения. Замена произошла так, будто случилось некое смещение вдоль по словосочетанию «Герцеговина и Босния», причем независимо от смысла этих слов и от звукового разграничения отдельных слогов. То есть

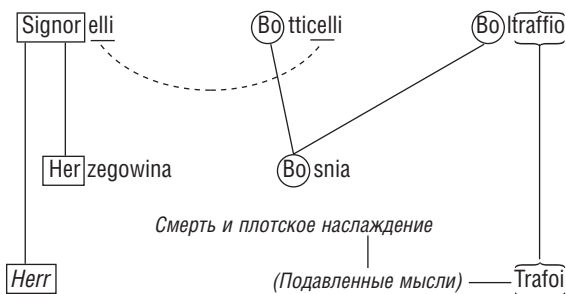

Рис. 1

названия механически разделились, как обычно поступают с картинками-загадками при составлении ребусов. В результате имя Синьорелли заменилось двумя другими без всякого участия сознательного ума. Поначалу не удастся обнаружить никакой связи между именем Синьорелли и вытесненной темой, помимо совпадения одних и тех же слогов (точнее, сочетаний букв).

Быть может, не покажется преувеличением утверждение, что условия, принимаемые психологами за необходимые для воспроизведения и забывания, — те условия, которые психологи норовят выявлять в известных соотношениях и расположениях психических элементов, — вполне согласуются с приведенным выше объяснением. Мы лишь добавили к давно признанным факторам забывания мотив как условие для ряда случаев — и прояснили механизм неправильного припоминания. Что касается упомянутого расположения элементов, оно необходимо и в нашем случае, иначе то, что вытесняется, не могло бы вступать в ассоциативную связь с искомым именем и тем самым обрекать последнее на вытеснение. Пожалуй, какое-либо другое имя, более приспособленное, если угодно, для воспроизведения, могло бы избежать такого забвения. Ведь подавленный элемент постоянно стремится напомнить о себе, но преуспевает в этом лишь там, где имеются соответствующие благоприятные условия. С другой стороны, вытеснение возможно без функционального расстройства — или, как мы могли бы с полным правом сказать, без малейших симптомов.

Сводя воедино все те условия, при которых забываются и неправильно воспроизводятся имена, мы получим следующую картину: 1) определенное располо-

жение духа и ума, благоприятное для забывания; 2) вытеснение, имевшее место недавно; 3) возможность установить внешнюю ассоциативную связь между соответствующим именем и вытесненным элементом. Думаю, нет нужды приписывать особое значение последнему условию, потому что ассоциативная связь обыкновенно устанавливается очень просто, и это происходит в большинстве случаев. Зато встает более важный вопрос, может ли внешняя ассоциация служить достаточным основанием для того, чтобы вытесненный элемент помешал воспроизведению искомого имени; не требуется ли здесь иная, более тесная связь между двумя темами? При поверхностном наблюдении велик соблазн пренебречь этим последним требованием, так как выглядит убедительным временное совпадение, не предполагающее внутренней связи. Впрочем, при более внимательном изучении все чаще оказывается, что связанные внешней ассоциацией элементы обладают и некоторой содержательной связью, что очевидно в нашем примере с именем Синьорелли.

* * *

Ценность тех выводов, к которым мы пришли в результате нашего анализа имени Синьорелли¹, зависит, конечно, от того, считать ли данный пример типическим или единичным. Лично мне кажется, что забывание и неправильное воспроизведение имен происходит очень и очень часто именно так, как было

¹ Краткий анализ этого случая был сделан Фрейдом в письме к В. Флиссу от 22 сентября 1898 г., сразу по возвращении в Вену из поездки на побережье Далмации. — *Примеч. ред. оригинального издания.* В. Флисс — немецкий отоларинголог, автор псевдонаучной теории биоритмов. — *Примеч. ред.*

описано выше. Почти каждый раз, как мне выпадало наблюдать это явление на собственном опыте, я получал возможность объяснить его указанным способом, то есть как акт, мотивированный вытеснением. Приведу еще одно соображение, подтверждающее типичский характер нашего наблюдения. Нет, на мой взгляд, никаких оснований проводить принципиальное различие между случаями забывания, когда отмечается неправильное воспроизведение имен, и простым забыванием, когда подставные имена на ум не приходят. В ряде случаев эти подставные имена всплывают самопроизвольно; в других случаях их можно вызвать сосредоточением внимания, и тогда они обнаруживают такую же связь с вытесненным элементом и искомым именем, как и при самопроизвольном появлении. Решающее значение здесь имеют, по-видимому, два фактора — упомянутое сосредоточение внимания и некое внутреннее состояние, обусловленное свойствами самого психического материала (возможно, это и есть расположенность, в которой возникает необходимая внешняя ассоциация между обоими элементами). Следовательно, немалое количество случаев простого забывания без подставных имен можно отнести к тому же разряду, для которого типичен пример с именем Синьорелли. Не стану утверждать, будто сюда могут быть причислены все случаи забывания имен: наверняка найдутся иные, более простые явления. Но, думаю, можно с достаточной осторожностью заявить, подводя итог наблюдениям, следующее: наряду с обыкновенным забыванием собственных имен встречаются случаи забывания мотивированного, когда мотивом выступает вытеснение.

Глава II

ЗАБЫВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ

Слова, обычно используемые в нашем родном языке, защищены, по-видимому, от забывания в условиях нормального употребления. Но совсем иначе, как известно, обстоит дело со словами иностранными. Предрасположенность к их забыванию очевидна для всех частей речи, а начальная ступень функционального расстройства проявляется в неравномерности нашей готовности обращаться к чужеземным словам — в зависимости от нашего общего состояния здоровья и от степени усталости. В ряде случаев забывание опирается на тот же механизм, который был раскрыт нами в примере с именем Синьорелли. Чтобы доказать это, я приведу анализ всего одного, зато крайне показательного случая, когда забыто было иностранное слово (не существительное) из латинской цитаты. Позволю себе изложить этот небольшой эпизод подробно и наглядно.

Прошлым летом я возобновил, путешествуя на vacation, знакомство с одним молодым человеком, получившим университетское образование и прочитавшим, как я вскоре догадался, некоторые мои психологические работы. В разговоре мы коснулись — уже не вспомнить, почему — социального положения той народности (*Volksstammes*), к которой мы оба принадлежим; честолюбие побудило моего знакомого посетовать на то, что его поколение обречено, как он выразился, «хиреть», что ему не дано развивать свои таланты и удовлетворять свои потребности. Эту страстную речь он закончил известным стихом Вергилия — тем самым, в котором злосчастная Дидона завещает грядущим поколениям отомстить Энею: «*Echogiare...*» —

и так далее¹. Вернее, он хотел так закончить, но в точности цитату вспомнить не сумел — и попытался спрятать свой промах при помощи перестановки слов: «Exohiar(e)... nostris ex ossibus ultori». В конце же концов он с досадой сказал: «Пожалуйста, не смотрите столь насмешливо, будто вам доставляет удовольствие мое смущение. Лучше помогите мне. В строке явно чего-то не хватает. Как она, собственно, звучит в подлиннике?» — «Охотно помогу, — ответил я и процитировал латинский текст. — Exohiar(e) aliquis nostris ex ossibus ultori». — «Как глупо позабыть такое слово! — воскликнул он. — Впрочем, вы утверждаете, что мы ничего не забываем без причины. В высшей степени интересно было бы узнать, каким образом я, по-вашему, умудрился забыть это неопределенное местоимение aliquis».

Я с готовностью принял этот вызов, надеясь получить новый вклад в свою коллекцию. «Сейчас мы это узнаем, — сказал я. — Но должен попросить, чтобы вы сообщали, откровенно и не анализируя, все, что вам придет в голову, едва вы сосредоточите свое внимание на позабытом слове без какого-либо определенного намерения»². — «Хорошо. Мне приходит в голову курьезная мысль расчленить слово следующим образом: а- и -liquis». — «Зачем?» — «Не знаю». — «Что вам приходит дальше на ум?» — «Дальше идет так: реликвии, ликвидация, жидкость, флюид... Дознались вы уже до чего-нибудь?» — «Нет, до этого далеко, продолжайте». — «Ладно. — Тут он язвительно

¹ «Энеида», песнь 4; в переводе С. Шервинского — «О, приди же, восстань из праха нашего, мститель». — *Примеч. ред.*

² Это распространенный способ восстановления скрытых идеациональных элементов в сознании. См. мою работу «Толкование сновидений». — *Примеч. авт.*